

остается тотъ же. Статья представляетъ опять не мало общихъ осужденій: книга Радищева есть „сатирическое воззваніе къ возмущенію“; это—книга посредственная, написанная варварскимъ сло-гомъ, наполненная преувеличенными и пошлыми сѣтованіями; Радищевъ есть „истинный представитель полупросвѣщенія“; напечатаніе книги казалось Пушкину „преступленіемъ ничѣмъ не извиняемымъ“, —но все-таки въ Радищевѣ, по словамъ Пушкина, видѣнъ духъ необыкновенный, честность, убѣжденность политическаго фанатика, удивительное самоотверженіе, рыцарская совѣстливость; среди заблужденій его признается отвращеніе отъ злоупотребленій и нѣкоторые благонамѣренные виды, благоразумныя мысли, которыхъ не было нужды облекать въ бранчивыя и напыщенные выраженія. Такимъ образомъ, здѣсь Радищевъ упрекается уже только за форму выраженія, а не за самыя дерзкія мечтанія. Вообще, осужденія Радищева въ статьяхъ Пушкина были только частью его настоящимъ мнѣніемъ, но гораздо больше—вынужденною уступкой. Задушевные стремленія Пушкина, чуть не съ первыхъ мѣсяцевъ новаго царствованія, заключались въ томъ, чтобы примирить правительство съ идеей просвѣщенія и разсѣять опасный предрасудокъ о вредѣ этого просвѣщенія. Въ этомъ смыслѣ онъ дѣлаетъ и свои замѣчанія о неумѣренномъ тонѣ книги Радищева. „Радищевъ,—говоритъ Пушкинъ,—какъ будто старается раздражить верховную власть своимъ горькимъ злорѣчіемъ: не лучше ли было бы указать на благо, которое она въ состояніи сотворить? Онъ поноситъ власть господь, какъ явное беззаконіе: не лучше ли было бы представить правительству и умнымъ помѣщикамъ способы къ постепенному улучшенію состоянія крестьянъ? Онъ злится на цензуру: не лучше ли было потолковать о правилахъ, коими долженъ руководствоваться законодатель, дабы, съ одной стороны, сословіе писателей не было притѣснено, и мысль, священ- ный даръ Божій, не была рабой и жертвой бессмысленной управы; а съ другой, чтобы писатель не употреблялъ сего божественнаго орудія къ достиженію цѣли низкой и преступной?“

Если бы статьи Пушкина были напечатаны,—замѣчаетъ нашъ авторъ,—онѣ составили бы выдающееся, единственное явленіе въ литературѣ того времени; это была первая попытка создать русскую публицистику въ Николаевскую эпоху. Попытка не удалась, и не по винѣ Пушкина...

Было бы долго останавливаться на всѣхъ подробностяхъ любопытной статьи г. Якушкина. Для подкрѣпленія своихъ выводовъ по этому частному вопросу, онъ останавливается далѣе на другомъ, не менѣе спорномъ вопросѣ—на отношеніяхъ Пушкина къ его дружескому кругу 20-хъ годовъ и къ ихъ идеямъ, отношеніямъ, которыя